

Лев Толстой и революция

И. Кубиков

Отношение Льва Толстого к революционной борьбе носило отрицательный характер, но оно при этом было достаточно сложно. В эпоху шестидесятых и семидесятых годов Л. Толстой был еще полон безоговорочного отрицательного отношения к так назыв. «нигилистам». Об этом говорит его только теперь изданная пьеса «Зараженное семейство» и те строки в «Анне Карениной» о революционере Крицком, которые потом исчезли из отдельного издания романа. Оставаясь до конца противником материалистических учений, Лев Толстой так и не мог объективно отнестись к их сторонникам.

В своих записках «Вблизи Толстого» А. Гольденвейзер рассказывает, как менее чем за год до своей смерти Л. Толстой читал в «Русском богатстве» письма Чернышевского. Он говорил о великом мыслителе-разночине: «У него очень много хороших, высоких в нравственном отношении мыслей: о войне, о половом вопросе, или мысль о том, что все нравственное—разумно, а разумное—нравственно и т. д. Но очень неприятна эта самоуверенность. Он говорит о Шопенгауэре и Канте, как будто это все дураки, один он, Чернышевский, умен». Л. Толстой забывал при этом, что он сам с такой же самоуверенностью говорил о Дарвине и Марксе, называя в трактате об искусстве теорию Маркса «безнравственной». Здесь ксса находила на камень: независимости мысли Л. Толстого противостояла такая же независимость высокоодаренного Чернышевского.

Эта неспособность Л. Толстого быть в данном случае объективным и сказалась при изображении в романе «Воскресение» революционера Новодворова. Писатель подчеркивает, как неприятен был Новодворов Нехлюдову. Желая показать разногласия среди революционеров, обитателей тюрьмы, Л. Толстой влагает в уста неприятного ему Новодворова явно нелепые мысли, характеризующие презрение Новодворова к народной массе: «Массы всегда обожать только власть.—сказал он своим трещащим голосом.—Правительство властвует,—они обожают его и ненавидят нас; завтра мы будем у власти,—они будут обожать нас». Такой же неприемлемой Лев Толстой изображает революционерку-курястку Богодуховскую, несмотря на то, что эта девушка, полная самопожертвования, смотрела на Нехлюдова «огромными добрыми круглыми глазами». И опять-таки здесь все дело в мировоззрении Богодуховской. Л. Толстой не скупились на отрицательную характеристику, когда говорит, что Нехлюдову «она более всего жалка была той очевидной путаницей, которая была у нее в голове».

Но справедливость требует сказать, что этой отрицательной характеристикой Новодворова и Богодуховской не исчерпывается отношение Л. Толстого к революционерам,—оно гораздо сложнее. Писатель говорит в этом романе, что революционеры вообще «стояли нравственно выше среднего уровня общества». После беседы с санинником-мракобесом Топорковым «Нехлюдову с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей хватили, забирали и ссылали не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа».

Из письма Л. Толстого к Бирюкову (1906 г.) видно, как подействовала на Л. Толстого казнь народовольцев после 1 марта 1881 г. Писатель говорит, что «суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных

впечатлений моей жизни». Таким образом, двойственное отношение Л. Толстого к революционерам несомненно складывалось под влиянием этого исторического события.

Об этом и говорят очень важные письма Л. Толстого к Страхову, написанные после события 1 марта. Друг Л. Толстого, философ и публицист Страхов был в сущности реакционным писателем, полагавшим для России самобытные, отличные от Европы пути, ведущие, по его мнению, нашу страну к сохранению царской власти. После события 1 марта Страхов в славянофильской газете «Русь» договорился до таких политических пошлостей, что Л. Толстому стало невмоготу. В ответ на одну из статей Страхова, где революционеры изображались какими-то извергами, Л. Толстой написал среди прочих писем одно так и не отправленное адресату письмо, очевидно полагая, что спорить по этому поводу бесполезно. В наше время это письмо с датой «май 1881 г.» извлечено из Толстовского музея и напечатано в журнале «Новый Мир» (1926 г., кн. 2). Возражая Н. Н. Страхову относительно его оценки деяний революционеров, Л. Толстой пишет: «По вашим исследованиям оказывается, что, даже когда они жертвуют своей жизнью для духовной цели, они делают не добро, но действуют по каким-то психологическим законам бессознательно и дурно. Я не могу разделять этого взгляда и считаю его дурным. Человек всегда хорош, и, если он делает дурно, то надо искать источник зла в соблазнах, вовлекших его в зло, а не в его дурных свойствах—гордости и невежестве. И для того, чтобы указать соблазны, вовлекшие революционеров в убийство, нечего далеко ходить. Переполненные Сибирь, тюрьмы, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей—не отговорки, а настоящий источник соблазна».

Это стремление Л. Толстого, несмотря на принципиальное несогласие с революционерами, не упустить из виду тех благородных стремлений, которые толкают людей на путь борьбы, временами вскрывается в произведениях, написанных на чисто религиозно-нравственные темы. В повести из времен первых христиан «Ходите в свет, пока есть свет», написанной в 1887 г., писатель попутно останавливается на тех людях, которые «из желания облегчить участь народа... убивают тирана, думая, что они этим помогут большинству». Л. Толстой говорит о том, что истинные христиане идут к братству другим путем, не тут же прибавляет: «Мы хотя видим заблуждения заговорщиков, но ценим их искренность и самоотречение и сближаемся с ними в том хорошем, что в них есть».

Вот с каким комплексом взглядов подходил Л. Толстой к изображению народовольцев в романе «Воскресение».

Это и сказывается на благожелательном отношении к революционерам двух центральных персонажей романа—Катюши Масловой и Нехлюдова. Катюша «очень легко и без усилий поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как человек из народа, вполне сочувствовала им». Что касается Нехлюдова, то и он, питавший к революционерам недоброжелательное чувство, «узнав их ближе и все то, что они часто безвинно перестрадали от правительства, увидел, что они не могли быть иными, как такими, какими они были».

Но для того, чтобы сделать революционеров более близкими себе, Л. Толстой наделяет некоторых из них чертами, взятыми из сфер этических понятий о жизни. Так созданы в романе «Воскресение» образы Марии Павловны и Симолсона. Они являют-

ся в романе революционерами довольно своеобразного типа—с явной примесью толстовского миропонимания.

Самые сильные страницы Л. Толстой дает, когда изображает переживания большого чахоткой революционера Крыльцова. Рассказ Крыльцова о том, как вели из тюрьмы на смертную казнь поляка Лозинского и еврейского мальчика Розовского,—гениальное воспроизведение одного из жутких эпизодов прошлого. Л. Толстой в художественном образе показывает, с какой психологической закономерностью царская власть превращала мирных культурников типа Крыльцова в революционеров, полных ненависти к жестокой власти. Во всей художественной интерпретации переживаний Крыльцова видно большое сочувствие к нему со стороны писателя. Л. Толстой говорит, что Нехлюдов начинал понимать «многое из того, что не понимал прежде».

Как проповедник христианской морали с ее непротивлением злу насилем и сторонник экономически-консервативных, чисто крестьянских устоев жизни, Л. Толстой не мог быть приемлем для революционно-настроенного пролетариата и передового крестьянства. Но, к счастью, сам Л. Толстой противоречил своему учению. Он говорил, что не надо противиться злу злом. Но ведь отвлеченного зла не существует. Когда писатель создавал для романа «Воскресение» сатирическую главу о богослужении, это было злом для духовенства и царской власти, но это было благом для рабоче-крестьянской массы, ибо, обличая поповское православие, Л. Толстой расшатывал один из краеугольных камней старого режима. Недаром, когда синод отлучил Л. Толстого от церкви, это вызвало огромное сочувствие к писателю со стороны передовых слоев пролетариата. С присущей ему силой это настроение передовых рабочих выразил В. Ленин, когда в одной из статей о Л. Толстом писал: «Святейший синод отлучил Л. Толстого от церкви. Тем лучше. Это подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки».

Благодаря огромной силе художественного слова гениального писателя его критика помещичье-буржуазных основ жизни производила такое огромное впечатление, на которое не могла рассчитывать рядовая обличительная прокламация. Это и делало великого писателя своеобразным борцом против власти и господствовавших классов.

Уже в статье «Так что же нам делать?» написанной в 1886 г., Л. Толстой предостерегает правящие классы: «Рабочая революция с ужасами разрушений и убийств не только грозит нам, но мы в ней живем уже лет 30 и только пока, кое-какими разными хитростями на время отсрочиваем взрыв ее». При чем для Л. Толстого ясен этот размах будущей величайшей в мире революции: «Ненависть и презрение задвигленного народа растет, а силы физические и нравственные богатых классов слабеют; обман же, которым держится все, изнашивается, и утешать себя в этой смертной опасности богатые классы не могут уже ничем».

Гениальный обличитель, наносивший такие сильные удары монархии, духовенству и правящим классам, сам того не соизнавая, ускорял этот великий социальный переворот, имеющий далеко не утешные мировые последствия.